

городу Давида". Я же могу добавить, что на недавних выборах в муниципалитет Иерусалима председатель Бухарского землячества Неурай Бар-Зеев был одним из лидеров списка "Община за Иерусалим", в котором было много представителей алии из СНГ. У вашего землячества очень высокий авторитет в стране в целом и в столице в частности. Расскажите, пожалуйста, о вашей общине.

- Это очень интересная тема, но она требует отдельного большого разговора. И в первую очередь - о представителях последней алии, среди которых много очень интересных, ярких людей. Многих из них я знаю лично, у меня есть книги, другие материалы ...

- Прекрасно, ждем продолжения Вашего рассказа на страницах нашей газеты. Спасибо Вам за эту беседу, за Вашу стойкость, за то, что Вы сделали в жизни и продолжаете делать ежедневно. И примите наши сердечные поздравления с недавним юбилеем!

(Итак, продолжение следует)

Вел интервью Анатолий Шехтман

Моя юность

Ева Фейгельсон

Родилась я в городе Витебске в Белоруссии. Была четвертым ребенком у родителей, наконец дождавшихся дочери после трех сыновей - Соломона, Натана и Самсона. Затем семь лет не было детей и когда в сентябре 1915 года дожидались ребенка, отец сказал акушерке: "Если будет девочка, буду платить золотом, а не ассигнациями".

Так оно и получилось. Первые десять лет моя жизнь протекала безоблачно. Мама и папа очень меня любили. Мама была прекрасной домашней хозяйкой. Папа был владельцем аптекарского магазина. Кроме продажи лекарств, прописываемых врачами, он сам предлагал больным то или иное лекарство в случаях, когда у них не было денег для посещения врачей.

В школу я пошла не с первого класса. Сначала были домашние учительницы: одна, молодая, научила меня читать и писать, любить детские книги. Вторая - старая - была учительницей музыки и учила играть на рояле. Помню лишь громкий голос, задававший ритм моей игры: "раз-за, раз-за", - как передразнивал ее мой младший брат Саня.

Он ко мне очень хорошо относился и был больше других братьев со мной, так как мама, кроме домашних хлопот, еще помогала отцу в магазине.

Саня любил меня поддразнивать. Помню одну сцену: в столовой я сижу под столом и рыдаю, потому что он ходит вокруг стола и напевает: "моя мама хорошая, а твоя - плохая". Рыдаю, хотя понимаю, что он шутит.

В связи с мамой помню еще один эпизод. В нашем дворе собрались девочки. Разговор, в основном, о мамах. Каждая хвалит свою, а я молчу и думаю: что же мне болтать, я ведь знаю, что моя мама лучше всех.

Во дворе жили пять семей в трех домах одного хозяина. Мы жили в половине самого большого дома в квартире из пяти комнат - спальни, гостиной, столовой и еще двух комнат, в которых сначала размещались мои братья, а потом, когда они выросли и разъехались, - жильцы. В основном, молодые племянники родителей.

Все семьи двора объединяло изготовление мацы перед Пасхой. На нашей кухне на нескольких столах, откуда-то доставляемых, раскатывали тесто. Мы, дети, на каталках бегом переносили его в квартиру, где пекли.

В нашей семье только этот процесс и само празднование Пасхи было постоянным. Религиозностью родители не отличались, в синагогу не ходили, а отец (как говорили близкие) был даже членом Бунда. Впрочем, о его деятельности в Бунде ничего не знаю. Подозреваю, что и не было этой деятельности. Я была в синагоге только один раз - подружки отвели. Я увидела, что мужчины сидят на первом этаже, женщины на втором. Пришла домой, опоздала к обеду и единственный раз меня поставили в угол. Стояла и рыдала, пока не сжалились. А потом, конечно, мой брат Саня меня долго дразнил.

Училась я не в белорусской, а в русской школе - пошла сразу в третий класс. Училась хорошо. Занималась в балетном кружке. Впрочем, в моем альбоме

(а таковые были у всех девочек - со стихами друзей и родственников) были и стихи моего отца - с положительной оценкой моих успехов в учебе и со словами: "только в балете не умеешь скакать!"

Таковы мои воспоминания о раннем детстве. Потом пришло другое время. Память о котором далеко не так светла...

В пятом классе во время урока пришел директор и сказал двум мальчикам: "Забирайте книги и идите домой".

Наш родственник - преподаватель в другой школе - сказал моим родителям, что детей нэпманов исключают из школ, а меня ему удалось отстоять. Ведь отец, хозяин магазина, конечно, был нэпманом. Таким образом, мне удалось в 1930 году окончить школу-семилетку. А потом еще один год проучиться в объединенном 8-9 классе частной школы, завершившей свое существование в том (недоброй памяти) 1931 году.

В Витебске объявили "мобилизацию внутренних ресурсов". Зажиточных людей арестовывали с целью изъятия у них ценностей. Моего отца тогда в городе уже не было. Племянники устроили его на работу в какой-то другой город (какой - не помню) с целью освобождения от нэпманского ярлыка. Главной задачей моих родителей было дать мне возможность продолжать учиться. Помогали племянники, а не братья, потому что к этому времени из них троих в живых остался только Натан. Он стал артистом - чтецом, жил в Москве, принял девичью фамилию мамы Эфрос, более "сценичную", чем Фейгельсон (через много лет опубликовал книгу воспоминаний "Записки чтеца").

Арестовали мою маму. Потребовали сдать драгоценности. Она сказала, что никаких драгоценностей у нее нет, потому что обручальное кольцо, сережки, браслет она отдала, чтобы купить в открывшемся тогда магазине "Торгсин" ("Торговля с иностранцами") одежду для меня. Не могу забыть, как зимой играю во дворе в отличной меховой куртке, сапогах, а радостная мама смотрит на это в окно!..

Итак, мама в тюрьме, я живу у тети и стою в очередях, чтобы передать маме еду. Отец, узнав об этом, конечно, примчался и сообщил милиции, что есть еще сберегательная книжка. Маму освободили,

отца арестовали на один день, пока он достал эту книжку и расписался в "добровольной" передаче сбережений. Потом ходили слухи, что этих милиционеров расстреляли.

После всех этих приключений мы с родителями переехали в Москву. Отец нашел себе работу в какой-то мастерской, а меня брат сумел определить в фабзауч, где я училась по 1932 год. Получила специальность "Токарь по металлу", а также некоторое приближение к законченному среднему образованию.

А в Москве в это время началось строительство метрополитена, и весь наш выпуск был направлен на шахту № 16 в середине Мясницкой улицы.

Сначала я работала на поверхности, чистила отбойные молотки. Затем в шахте, включала и выключала устройство подъема наполненных землей вагонеток и спуска пустых.

При мне произошло незабываемое событие - спуск в шахту первого лифта с большим числом ликующих пассажиров. Среди них было много известных артистов московских театров.

А второе незабываемое событие того времени касалось лично меня. Метрострою передали рабфак. Это открывало мне и моим друзьям возможность получить, наконец, среднее образование и подготовиться к поступлению в вуз.

Разумеется, все мы были комсомольцами. Без комсомольского билета о вузе и думать было нельзя.

И тут меня ждали новые испытания. На комсомольском собрании я честно рассказала о моем "нэпманском происхождении" и, конечно, дрожала, боялась, что вуза мне не видать. Однако, свет не без добрых людей. Подходит ко мне секретарь нашей комсомольской организации и говорит: "Дура, зачем ты всем это рассказываешь?" К сожалению, не помню фамилию этого хорошего и красивого парня - кажется, Шубравый. Но он меня спас. По окончании рабфака оказалось, что у меня лишь не уплачены комсомольские взносы за несколько месяцев. Я их, конечно, немедленно уплатила. И с друзьями-рабфаковцами решила в 1934 году поступать в МГУ на механико-математический факультет.

Благодаря хорошей рабфаковской подготовке, вступительные экзамены сдали благополучно.

Один из этих друзей - Александр Лозовский - в 1935 году стал моим мужем. Он был астрономом и создал под Москвой обсерваторию для наблюдения за искусственными спутниками Земли. В этой лаборатории проработал до 85 лет.

В 1936 году я принесла в университет и показала нашим учителям и друзьям ребенка - Танечку. Сейчас Таня сама доктор наук, тоже астроном, работает в ГАИШе - астрономическом институте при университете.

Дочь не помешала мне успешно учиться, потому что ребенком и хозяйством, в основном, занималась мама.

Помню такой эпизод. Зимой 1937 года я плохо сдала экзамен по теории аналитических функций профессору Л.А.Тумаркину. Он собирается поставить мне "уд", но видит, что в зачетной книжке сплошные "отл" и говорит: "Не могу поставить "уд". Приходите еще раз". А я его умоляю: "Ставьте "уд", у меня не будет времени еще готовиться".

Итак, в моей зачетной книжке все "отл" и только два "уд". Почему-то совсем нет "хор" (маленькая зачетная книжка)

Два события в университете существенно повлияли на мою дальнейшую жизнь.

Первое - появление книги "Разборная байдарка" (автора не помню). Наши мальчики очень увлеклись этой книгой и начали в университетском клубе строить такие байдарки. Построили их пять и с тех пор все каникулы, а затем отпуска плавали по разным рекам и озерам. Разумеется, потом, когда начали работать, - на своих, купленных, а те пять оставили в наследство университету.

Второе, конечно, главное событие произошло, когда мы были студентами третьего курса. На мехмате тогда открылся семинар по математической физике (точнее - по применению математики в естествознании). Семинаром руководили три замечательных ученых - профессора Иван Георгиевич Петровский, Сергей Львович Соболев, Андрей Николаевич Тихонов. До сих пор горжусь тем, что моим "личным" руководителем на старших курсах был Иван Георгиевич. Участие в этом семинаре (даже

доклад сделала, а о чем - не помню) породило страстное желание заниматься именно этими проблемами по окончании университета.

Ева Фейгельсон в юности

Из семейного архива

Хорошие люди подсказали, что в Академии наук создан Институт теоретической геофизики (т.е. физики планеты Земля) ИТГ. Руководил тогда этим институтом известнейший ученый Отто Юльевич Шмидт.

В 1939 году, по окончании университета, я обратилась в математический отдел ИТГ, которым руководил Семен Самсонович Ковнер. Он сказал, что им нужны только вычислители (вертеть ручку арифмометра "Феликс"). Рискнула. И действительно, через полгода перевели в научные сотрудники. Работала под руководством А.Н.Тихонова. Занималась "диффузией газов в противогазах" по заказу военных.

Но тут началась война. Саша сразу же был мобилизован, а его отец - Марк Евелевич Лозинский - очень активный и деловой человек - собрал и отправил в город Акмолинск (теперь Целиноград) Казахской ССР жену Гельду Абрамовну, дочь Анну с двумя детьми и меня с Таней.

Сначала мы с Аней работали на заводе. Я, конечно, "токарем по металлу". Помню, после работы дома негде было даже руки вымыть. А потом пошла в акмолинский наробраз и была зачислена преподавателем математики в одну из школ города.

Акмолинск тогда был городом ссыльных. Физику в школе преподавал ссыльный украинский профессор, русский язык - ссыльная мать арестованного. Лучшими моими учениками были два чеченских мальчика из ссыльных семей.

Преподавание шло нормально, но порой бывали смешные эпизоды.

Темой одного из моих уроков были функции и графики. Я увлеклась и незаметно для себя перешла на университетский язык. Вскоре увидела, что ребята меня не понимают. Расстроилась и пошла на консультацию к старому школьному преподавателю математики. Рассказала ему, а он в ответ: "Сознаемся, Ева Михайловна, что мы и сами этого никогда не понимали". И это мне - выпускнице МГУ!..

Второе, не столь рассмешившее меня обстоятельство. В школьном буфете висел большой плакат, написанный директором школы - одесситом: "Ни одного грамма хлеба учителям!"

В феврале 1945 года вернулись в Москву. Я, конечно, - в родной институт, у которого появилось новое название - Институт физики атмосферы (ИФА). Юность кончилась.

В ИФА я проработала до 2000 года. Оставила институт в возрасте восьмидесяти четырех лет. Имею степень доктора наук, звание профессора и заслуженного деятеля науки. Автор пяти книг и около двухсот статей. Никогда не забуду моих сотрудников, друзей, учеников, *главного учителя* *Евграф*

Сергеевича Кузнецова Директора академиков Обухова Александра Михайловича и затем Голицына Георгия Сергеевича.

Моя Святая земля

Анатолий Шехтман

Течет неспешно времени река.
Влекут к себе сердца неодолимо
Долины и холмы Ерусалима
И в камне отраженные века.
Любуемся, храним и познаем,
К истории причастные по праву.
И неизвестным зодчим воздаем
Поистине заслуженную славу...

Эти строки, написанные полтора года назад, вспомнились при первом посещении выставки, недавно развернутой в парке гостиницы Холиленд. По-моему, они точно отражают суть экспозиции при условии "экстраполяции" сказанного о Иерусалиме на всю нашу Эрец Исраэль.

Уникальный народ, уникальная страна. Народ Книги. Страна Израиля.

Обетованный дом Б-гом избранного народа, колыбель трех мировых религий, неповторимая мозаика культур, воистину великая история. Последние два тысячелетия которой - предмет выставки, имя которой - "My Land Holyland" ("Моя Святая земля").

На рубеже 50-60х г.г. группой ученых и специалистов под руководством профессора Ави-Йона возле гостиницы был создан музей на открытом воздухе - макет Иерусалима периода Второго Храма в масштабе 1:50, изображающий город незадолго до его разрушения Титом в 70 году н.э. А сегодня - в юбилейном, двухтысячном году - уже другими специалистами создана и размещена рядом поразительная коллекция - 70 макетов (в еще более крупном масштабе - 1:25) религиозных, исторических, архитектурных и национальных памятников, созданных в Эрец Исраэль во втором тысячелетии н.э. (а некоторых - и намного ранее).

Это действительно уникальная выставка, описание которой заняло бы очень много места. Здесь языком макетов говорит История. История еврейского народа и его соседей - в разные эпохи и в различных уголках Эрец Исраэль. История, которую можно окинуть взглядом, "потрогать", не выходя за пределы парка. Да еще и имея возможность на несколько минут укрыться от солнца под зонтиками столиков кафе, да и просто отдохнуть по ходу экскурсионного маршрута.

Все это "было опробовано" во время экскурсии группы посещающих и подопечных из района Пат, руководимой Иланой Гельфанд, доверившей роль экскурсовода автору этих строк. Для экскурсии были подготовлены рассказы о каждом памятнике, представленном в макете, в контексте истории Эрец Исраэль.

По моему мнению, подкрепленному отзывами участников, экскурсия получилась. И добавлю к сказанному: это чудесное место стоит того, чтобы его посетили и другие наши группы.

Тем более, что через год выставка переместится на постоянное место жительства в Латрун.